

Никто не станет смеяться

Содержание

Никто не станет смеяться	7
Золотое яблоко вечного желания	54
Ложный автостоп	82
Симпозиум	111
Пусть старые покойники уступят место молодым покойникам	163
Доктор Гавел двадцать лет спустя	191
Эдуард и Бог	237

Никто не станет смеяться

1

— Налей мне еще сливянки, — сказала Клара, и я выполнил ее просьбу. Повод распить бутылочку был вовсе не из ряда вон выходящим, но все-таки был: в этот день я получил сравнительно сносный гонорар за последнюю часть своего эссе, опубликованного с продолжением в нескольких номерах специального журнала по изобразительному искусству.

Уже тот факт, что эссе вышло в свет, казался чудом. Все, что я утверждал в нем, носило характер остро полемический. Моя работа, поначалу отвергнутая журналом «Изобразительная мысль», чьи редакторы седебороды и осмотри-тельные, впоследствии была напечатана в менее объемном, конкурирующем с «Изобразительной мыслью» издании, сотрудники которого были моложе и опрометчивее.

Гонорар, а вместе с ним и письмо принес мне на факультет почтальон; письмо малозначительное; в состоянии свежееобретенной самонадеянности я едва пробежал его глазами. Однако дома, когда время уже близилось к по-

луночи, а содержимое бутылки — ко дну, я взял письмо со стола и стал читать с явным намерением повеселиться.

«Уважаемый товарищ и — с Вашего разрешения — мой коллега! — вслух прочел я Кларе. — Прошу Вас извинить меня за то, что я, не имеющий чести знать Вас, осмеливаюсь писать Вам. Обращаюсь к Вам с просьбой: не отказать мне в любезности прочесть прилагаемую статью. Не будучи знаком с Вами лично, я уважаю Вас как человека, чьи взгляды, суждения и выводы столь удивили меня своим совпадением с результатами моего собственного исследования, что я был просто потрясен. Так, например, при всем моем преклонении перед Вашими суждениями в плане сравнительного анализа, которым Вы, вероятно, владеете лучше меня, я категорически утверждаю, что к мысли о том, что чешское искусство всегда было близко народу, я пришел до того, как прочел Вашу работу. Я мог бы это легко доказать, ибо, помимо прочего, располагаю и свидетелями. Но это только так, к слову сказать, ибо Ваш труд...» — тут следовал еще ряд дифирамбов в адрес моей персоны, а затем просьба: не согласился бы я, дескать, написать на его статью рецензию, а точнее, отзыв для «Изобразительной мысли», где данная статья уже более полугода лежит без движения. Моя рецензия, насколько ему известно, может оказаться решающей, а потому я для него, автора этих строк,

единственная надежда, единственный огонек в поглотившей его непроглядной тьме.

Мы, конечно, не преминули посмеяться над паном Затурецким, чье высокородное имя нас буквально зачаровывало; однако наши шутки были вполне благодушными, поскольку фимам, который он курил мне, особенно в сочетании с превосходной сливянкой, смягчал меня. Смягчал настолько, что в те незабвенные минуты я возлюбил весь мир. И в этом огромном мире — прежде всего Клару. Уже хотя бы потому, что она сидела напротив меня, тогда как остальной мир был скрыт за стенами моей мансарды в пражских Вршовицах. И, не имея возможности чем-то одарить тот, большой мир, я одаривал Клару. По крайней мере — обещаниями.

Клара была девушкой двадцати лет от роду, из хорошей семьи. Да что там из хорошей — из отличной семьи! Папочка, бывший директор банка, как представитель крупной буржуазии, в пятидесятом году был выслан в отдаленную от Праги деревню Челаковице. Доченька по злой воле кадровиков работала швеей в большой мастерской пражской фабрики модной одежды. Сейчас я сидел против нее и лез из кожи вон, чтобы снискать ее благосклонность хотя бы тем, что легковесно расписывал ей преимущества будущей работы, на которую я обещал устроить ее с помощью моих друзей. Невозможно, убеждал я ее, чтобы такая пре-

лестная девушка, как она, убивала свою красоту, сидя за швейной машиной. Я был полон решимости сделать ее манекенщицей.

Клара не возражала мне, и мы провели ночь в счастливом взаимопонимании.

2

Человек проживает настоящее с завязанными глазами. Ему дано лишь думать или догадываться, что он живет. И только позднее, когда ему развязывают глаза, он, оглядываясь на прошлое, осознает, как он жил и в чем был смысл этой жизни.

В тот вечер я думал, что пью за свои успехи, и вовсе не предполагал, что это торжественный вернисаж моих закатов.

А так как я ничего не предполагал, то и проснулся утром в отличном настроении, взял в постель статью, приложенную к письму, и, пока Клара блаженно посапывала рядом, с веселым равнодушием приступил к чтению.

Статья, озаглавленная «Миколаш Алеш, мастер чешского рисунка», не стоила даже того получаса рассеянного внимания, что я ей уделил. Это было беспорядочное нагромождение банальностей без всякого представления о логической связи, без малейшей честолюбивой попытки разбавить их хоть какой-нибудь собственной мыслью.

Мне стало совершенно ясно, что статья эта — несусветная чушь. Кстати, доктор Калоусек, редактор «Изобразительной мысли» (в сущности, человек малопрятный), в тот же день подтвердил это; позвонив мне на факультет, он сказал: «Ну как, получил трактат этого самого пана Затурецкого?.. Тогда напиши. Уже пятеро рецензентов зарубили ее, а он никак не угомонится, теперь решил, что единственный настоящий спец — это ты. Напиши в двух словах, что это полная дребедень, ты это умеешь, язвительности тебе не занимать, тогда уж он оставит нас в покое».

Тут что-то во мне воспротивилось: почему, собственно, я должен быть палачом пана Затурецкого? Я что, получаю за это редакторскую зарплату? К тому же я прекрасно помнил, что именно в «Изобразительной мысли» из осторожности завернули мою статью; зато имя пана Затурецкого крепко увязывалось для меня с Кларой, сливянкой и восхитительным вечером. И наконец — не стану отрицать, это же вполне по-человечески, — и одного пальца мне было бы достаточно, чтобы сосчитать тех, кто полагает меня «настоящим спецом»; так чего ради терять мне и этого единственного?

Я закончил разговор с Калоусеком какой-то невнятной остротой, которую он мог счесть обещанием, а я — всего лишь уверткой, и повесил трубку, будучи твердо уверен, что рецензию на пана Затурецкого не напишу никогда.

И вместо рецензии я, вынув из ящика стола почтовую бумагу, написал пану Затурецкому письмо, в котором, обойдя какую бы то ни было оценку его работы, извинился и сообщил, что мои взгляды на живопись девятнадцатого века считаются порочными и дерзкими и потому мое мнение — особенно в редакции «Изобразительной мысли» — могло бы скорее навредить делу, чем поспособствовать; при этом я обволол пана Затурецкого таким дружелюбным многословием, что трудно было бы не усмотреть в нем моего расположения.

Стоило мне опустить письмо в почтовый ящик, как я тотчас забыл о пане Затурецком. Зато пан Затурецкий не забыл обо мне.

3

В один прекрасный день, только я закончил лекцию — в институте я веду курс истории живописи, — в дверь аудитории постучала наша секретарша, пани Мария, приветливая пожилая дама, что нередко варит мне кофе и избавляет от нежеланных женских телефонных звонков. Заглянув в дверь, она объявила, что меня дожидается неизвестный господин.

Мужчины не вызывают во мне страха, и я, попрощавшись со студентами, бодро-весело вышел в коридор. Низкорослый человечек в поношенном черном костюме и белой рубаш-

ке поклонился мне и весьма учтиво сообщил, что он — Затурецкий.

Я пригласил его в свободную комнату и, предложив кресло, учтиво завел с ним непринужденный разговор обо всем на свете, о том, какое нынче в Праге мерзкое лето и какими выставками она нас балует. Пан Затурецкий вежливо поддакивал моему трепу, однако каждое мое слово стремился тотчас увязать со своей статьей о Миколаше Алеше, пролегшей между нами в своей незримой субстанции, точно неустранимый магнит.

— Ничто не доставило бы мне такого удовольствия, как рецензия на вашу работу, но я уже объяснил вам в письме, что меня нигде не считают специалистом по чешскому искусству девятнадцатого века и, кроме того, я некоторым образом не в ладах с редакцией «Изобразительной мысли»; там числят меня законченным модернистом, и мой положительный отзыв мог бы только навредить вам.

— О, вы слишком скромны, — сказал пан Затурецкий, — вы такой знаток, как вы можете столь мрачно оценивать свое положение! В редакции мне сказали, что все зависит от вашего отзыва. Если вы одобрите мою работу, ее напечатают. Вы моя единственная надежда. Эта работа — результат трехлетнего труда. Ее судьба в ваших руках.

Как легкомысленно и неумело возводишь порой стены своих отговорок! Я не знал, что и ответить пану Затурецкому. Невольно взгля-

нув ему в лицо, я узрел не только маленькие старинные невинные очочки, уставленные на меня, но и мощную, глубокую поперечную морщину на лбу. В короткий миг ясновидения по моей спине пробежали мурашки: морщина, упрямая в своей сосредоточенности, выдавала не только мыслительные потуги, терзавшие ее обладателя, когда он размышлял над рисунками Миколаша Алеша, но и недюжинные волевые способности. Утратив присутствие духа, я не нашел ни одной толковой отговорки. Я точно знал, что отзыва не напишу, но знал и то, что у меня нет сил сказать об этом прямо в умоляющие глаза человека.

Расплывшись в улыбке, я пообещал ему что-то неопределенное. Пан Затурецкий поблагодарил меня и сказал, что вскоре опять зайдет — справиться. Я простился с ним, расточая улыбки.

Спустя несколько дней он и вправду пришел. Я ловко увильнул от него, но на следующий день, как мне доложили, он вновь искал меня на факультете. Я понял, что дело швах, и попросил пани Марию принять необходимые меры предосторожности.

— Марженка, будьте так добры, если еще когда-нибудь будет меня спрашивать этот господин, скажите ему, что я уехал в научную командировку в Германию и вернусь лишь через месяц. И учтите, пожалуйста: как известно, мои лекции бывают по вторникам и средам.

Но я тайком перенесу их на четверг и пятницу. Знать об этом будут только студенты, и никто больше; расписание же оставьте прежним. Я ухожу в подполье.

4

Пан Затурецкий и правда вскоре опять появился на факультет, чтобы разыскать меня, и пришел в отчаяние, узнав от секретарши, что я уехал в Германию. «Невозможно! Пан ассистент должен написать на меня рецензию! Как он мог взять и уехать?» — «Не знаю, — сказала пани Мария, — но через месяц он должен вернуться». — «Еще целый месяц... — простонал пан Затурецкий. — А нет ли у вас его немецкого адреса?» — «Нет», — ответила пани Мария.

Итак, впереди у меня был месяц покоя.

Однако месяц пробежал быстрее, чем я полагал, и в канцелярии уже снова возник пан Затурецкий. «Нет, он еще не вернулся», — сказала ему пани Мария, однако, встретив меня чуть позже, настоятельно попросила: «Этот ваш недоросток опять притащился, что теперь прикажете ему говорить?» — «Скажите ему, Марженка, что в Германии я подхватил желтуху и лежу в Йене в больнице!» — «В больнице! — вскричал пан Затурецкий в ответ на очередную отговорку Марженки. — Невозможно! Пан ассистент должен же наконец написать на меня